

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 296

29 ноября 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи ... Гарнизонного военного суда Ш. № ... от 29 июня 2023 года (вх. № ... от 17 июля 2023 года) в отношении адвоката В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Москвы 13 сентября 2023 года вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по обращению судьи ... Гарнизонного военного суда Ш. № ... от 29 июня 2023 года (вх. № ... от 17.07.2023), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила Совет о получении заключения Квалификационной комиссии и ознакомлении с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие (вх. № ... от 24 ноября 2023 года).

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся адвоката В.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем, Совет полагает необходимым уточнить обоснование прекращения дисциплинарного производства.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве ... Гарнизонного военного суда с 21 июня 2021 года находилось уголовное дело № ... (... , ...) по обвинению Л. и других лиц в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ.

13 июля 2021 года адвокат В. на основании заявки № ..., распределенной ей через АИС АПМ, приняла поручение на осуществление защиты подсудимого Л. По данному уголовному делу состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе 28 июня 2023 года. В этом судебном заседании подсудимым Л. было заявлено ходатайство о замене защитника – адвоката В. В обоснование своего ходатайства Л. указал, что между ним и адвокатом В. «возникли разногласия по фактам предъявленного ему обвинения, отсутствия линии защиты и в связи с обстоятельствами, указанными в п. 1 ст. 5, п. 2 ст. 9, п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката».

Из выписки из протокола судебного заседания от 28 июня 2023 года усматривается, что с разрешения председательствующего подсудимый Л. огласил письменное ходатайство о замене защитника, просил удовлетворить ходатайство и приобщить его к материалам уголовного дела. Адвокат В. не возражала против удовлетворения данного ходатайства, пояснив, что между ее позицией и позицией подсудимого Л. имеются существенные разногласия. При этом адвокат В. заявила о том, что не отказывается осуществлять защиту интересов своего подзащитного Л., а также сообщила суду, что позиция ее подзащитного Л. состоит в затягивании рассмотрения уголовного дела, с чем она не согласна. Выражая свое мнение, подсудимый Л. заявил суду, что не придерживается позиции по затягиванию рассмотрения уголовного дела, так как предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу делятся с 2016 года. У него «отсутствует убежденность в добросовестности защитника, а также имеются существенные разногласия между нашими с ней позициями в рамках рассматриваемого уголовного дела». На вопрос председательствующего адвокату В.: «Действительно ли Ваша позиция противоположна позиции Вашего доверителя относительно рассматриваемого уголовного дела?» – адвокат В. ответила: «У моего подзащитного есть определенная позиция, которой он придерживается, и она отличается от моей, по данному основанию мы не можем определить единую линию защиты». Суд удовлетворил ходатайство подсудимого Л., принял его отказ от защитника В., постановил назначить подсудимому Л. нового защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ.

В своем обращении в Адвокатскую палату города Москвы судья ... Гарнизонного военного суда Ш. выдвигает в отношении адвоката В. дисциплинарное обвинение в занятии позиции, противоречащей позиции ее доверителя, указывая на наличие в ее действиях признаков нарушения пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат В. выдвинутое в отношении нее дисциплинарное обвинение последовательно отрицала, заявляла, что каких-либо нарушений норм

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также требований профессиональной этики ею не допущено. Она на протяжении длительного времени добросовестно осуществляла защиту подсудимого Л., каких-либо разногласий между ними не возникало. Однако к финальной стадии процесса Л. стал проявлять недоверие к ее позиции, придерживался мнения о том, что процесс необходимо затягивать. Она с необходимостью затягивания процесса не соглашалась, считала, что необходимо сосредоточиться на допущенных по делу процессуальных нарушениях. В дальнейшем она не смогла согласовать позицию защиты с Л., поскольку не поддерживала его позицию по затягиванию рассмотрения уголовного дела, но от защиты не отказывалась. Она разъясняла Л. его право на заключение соглашения с защитником, которого он выберет сам, однако его не устраивал адвокат по соглашению, так как он не был готов платить за защиту. В мае 2023 года Л. выяснял у нее, как можно ее заменить, чтобы новый защитник, вступивший в дело, начал знакомиться с многочисленными томами уголовного дела и еще потянул время его рассмотрения в суде. 28 июня 2023 года Л. заявил отказ от адвоката В., ссылаясь на наличие противоречий по вопросу защиты его прав, а также «в виду наличия объективного сомнения в добросовестности адвоката». Она данный отказ Л. поддержала, сослалась на наличие противоречий в их позиции. Считает, что мнение Л. не является тайной, которую он ей доверил, это общеизвестный факт, так как позиция подсудимого была ясна и известна всем участникам процесса. Адвокат В. считает, что Л. защищается любыми способами, его цель – избежать наказания, он понимает, что суд более не намерен затягивать рассмотрение дела, поскольку нарушены все разумные сроки его рассмотрения, заявление об отсутствии «убежденности в моей добросовестности он заявил явно для того, чтобы суд заменил адвоката наверняка». Полагает, что судье явно не понравилось заявление Л. об отказе от защитника, потому что надо было назначать нового защитника, что повлекло затягивание рассмотрения уголовного дела, в котором более 700 томов, а новому защитнику потребуется время для ознакомления с материалами уголовного дела. По мнению адвоката В., она давала доверителю искренние советы и рекомендации. В судебном заседании 28 июня 2023 года Л. не ссыался на факты обмана, недобросовестных действий или неадекватного поведения со стороны адвоката, «просто ему надо дальше защищаться».

Давая оценку указанным дисциплинарным обвинениям, Совет отмечает, что в соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного. При этом обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей при

оказании юридической помощи за гонорар (п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, Совет исходит из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Применительно к настоящему разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката В. возложена на заявителя – судью ... Гарнизонного военного суда Ш. Однако в его обращении не приведены фактические обстоятельства, указывающие на то, что в ходе судебного разбирательства адвокат В. совершила какие-либо действия, свидетельствующие о занятии ею позиции, противоположной позиции ее доверителя Л.

Ссылки адвоката В. в ходе судебного заседания 28 июня 2023 года на наличие противоречий в позиции с подсудимым не свидетельствуют о совершении ею таких действий. Напротив, этим она подтвердила позицию, высказанную ее доверителем Л. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат В. заявляла какие-либо ходатайства или совершала иные действия, влекущие юридически значимые для разрешения уголовного дела последствия, не согласованные с Л., противоречащие его интересам и его позиции. Сам по себе спор между адвокатом и доверителем относительно позиции защиты является допустимым, учитывая, что адвокат в силу ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и имеет по этой причине право на наличие собственного профессионального мнения.

Следовательно, адвокат В. в общении с доверителем Л. имела право давать ему советы относительно позиции защиты и возражать против его предложений. В случае, если бы Л. не прислушался к советам В. и настаивал на своей линии защиты, адвокат В. обязана была в силу пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката занять позицию, соответствующую позиции доверителя. Однако в рассматриваемой ситуации адвокатом В. до отказа от нее Л. не были совершены какие-либо действия, направленные на противодействие позиции последнего.

От доверителя Л. каких-либо жалоб в отношении адвоката В. не поступало.

При таких обстоятельствах Совет полагает, что адвокат В. не занимала по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и в ее действиях отсутствует нарушение запрета, предусмотренного пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет обращает внимание адвоката В. на то, что в силу п. 2 и 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить

профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

В этой связи намерение доверителя адвоката В. Л. затягивать производство по уголовному делу, если оно было им высказано в их конфиденциальном общении, ни при каких обстоятельствах не должно было разглашаться ею суду. Это тем более недопустимо для адвоката-защитника с учетом того, что такая позиция подсудимого Л., очевидно, компрометирует его перед судом, и адвокату В. это было понятно, что следует из приведенных выше ее объяснений о недовольстве судьи и его причинах. Доверитель Л., не дававший адвокату В. согласия на разглашение суду его позиции, был вынужден в связи с ее заявлением оправдываться перед судом и отрицать, что он намерен затягивать судебное разбирательство. Адвокату В. следовало поддержать заявление доверителя Л. об отказе от нее, сославшись на наличие разногласий и утрату доверия к ней со стороны Л. и не входя в дальнейшие подробности относительно позиции Л.

Поскольку доверитель адвоката В. Л. с жалобами в отношении нее не обращался, Совет не вправе давать правовую оценку ее профессионального поведения в данной части, однако считает необходимым обратить внимание адвоката В. на недопустимость отступлений от нормативных требований обеспечения профессиональной тайны.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению судьи ... Гарнизонного военного суда Ш. № ... от 29 июня 2023 года (вх. № ... от 17 июля 2023 года), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков